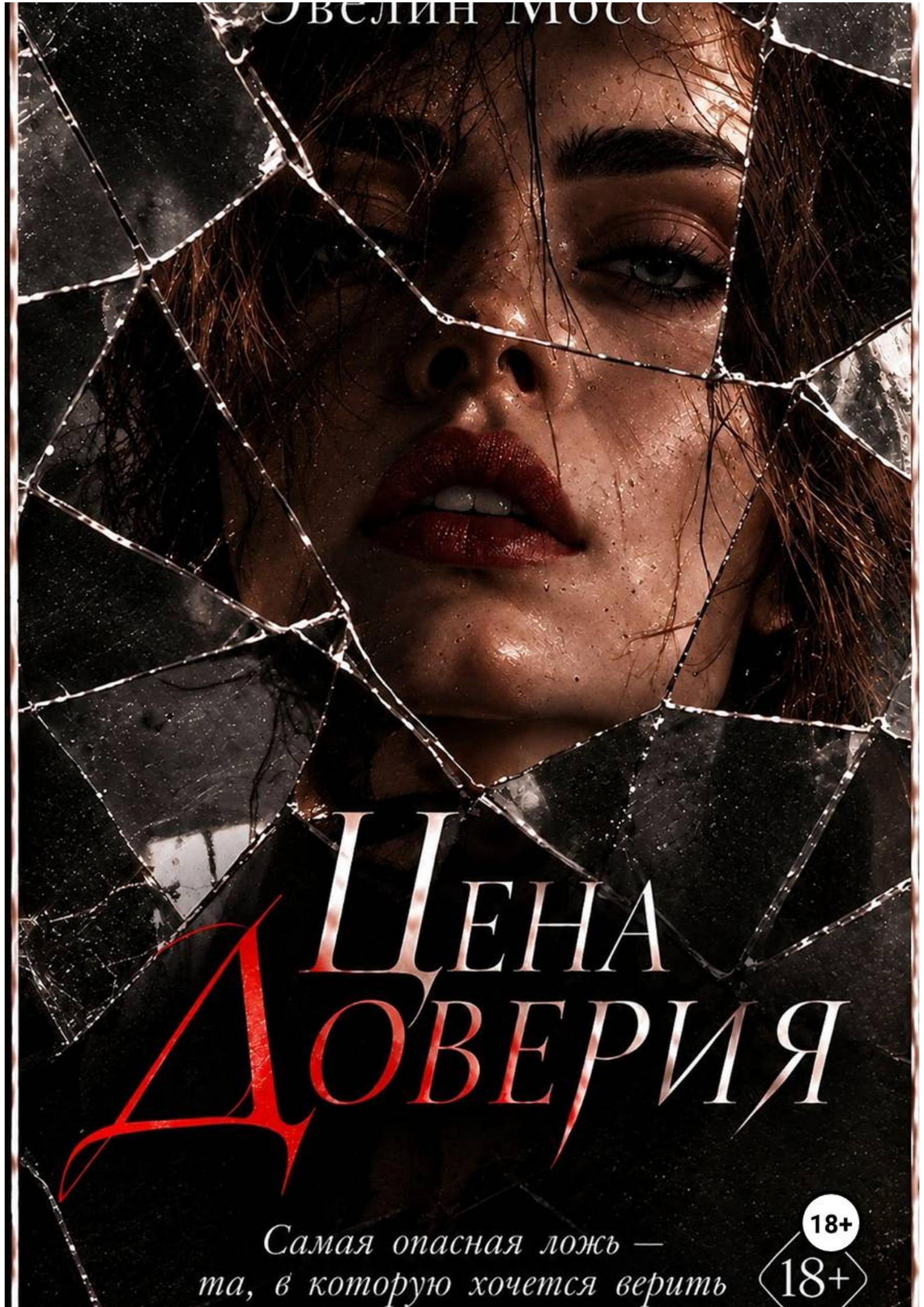
Эвелин Мосс

Цена доверия

Самая опасная ложь —
та, в которую хочется верить

18+

18+

Эвелин Мосс

Цена доверия

«Автор»
2026

Мосс Э.

Цена доверия / Э. Мосс — «Автор», 2026

Доверие — странная вещь. Его не подписывают у нотариуса. Не заверяют печатью. И почти никогда не замечают, в какой момент оно становится ловушкой.Для Мии Рид всё начинается с обычной просьбы отца и короткой поездки в Неаполь. Несколько документов, пара дней вдали от Бостона — что может пойти не так?Оказывается, почти всё. Подписи поставлены, и пути назад уже нет.За привычным образом любящего отца скрывается жизнь, о которой Мия ничего не знала. А человек, которому теперь приходится доверить собственную безопасность, — Маркус — не спешит объяснять, на чьей он стороне.В мире, где у каждого есть свои причины молчать, правда может оказаться опаснее лжи. И чувства — тоже.«Цена доверия» — история о предательстве, выборе, опасном притяжении и хрупкой границе между теми, кому мы верим, и теми, кого боимся потерять.

© Мосс Э., 2026
© Автор, 2026

Эвелин Мосс
Цена доверия

Глава 1

ЭВЕЛИН МОСС

ЦЕНА ДОВЕРИЯ

роман

© Эвелин Мосс, 2026

Все права защищены.

Произведение является художественным вымыслом. Любые совпадения с реальными людьми, местами и событиями случайны.

18+

Доверие — странная вещь. Его не подписывают у нотариуса. Не заверяют печатью. И почти никогда не замечают, в какой момент оно становится ловушкой.

Для Мии Рид всё начинается с обычной просьбы отца и короткой поездки в Неаполь. Несколько документов, пара дней вдали от Бостона — что может пойти не так?

Оказывается, почти всё. Подписи поставлены, и пути назад уже нет.

За привычным образом любящего отца скрывается жизнь, о которой Мия ничего не знала. А человек, которому теперь приходится доверить собственную безопасность, — Маркус — не спешит объяснять, на чьей он стороне.

В мире, где у каждого есть свои причины молчать, правда может оказаться опаснее лжи. И чувства — тоже.

«Цена доверия» — история о предательстве, выборе, опасном притяжении и хрупкой границе между теми, кому мы верим, и теми, кого боимся потерять.

Возрастное ограничение: 18+

ОТ АВТОРА

Я всегда думала, что самое страшное предательство — это когда тебя обманывает тот, кому ты доверял больше всего. Но, возможно, ещё страшнее — однажды понять, что ты никогда по-настоящему не знал этого человека.

В этой истории мне хотелось исследовать именно эту тонкую грань: между любовью и обманом, защитой и контролем, правдой, которую мы так хотим услышать, и той, к которой оказываемся совершенно не готовы.

Ведь иногда человек, которого мы привыкли считать своей опорой, оказывается причиной нашего падения. А тот, кого мы боимся подпустить ближе, может знать о нас больше, чем мы сами.

Но что, если правда, способная разрушить одну жизнь, — единственное, что может дать шанс другой?

Спасибо, что открыли эту историю. У каждого секрета есть своя цена, у каждого решения — последствия, а у доверия — предел, о котором мы предпочитаем не задумываться. Но иногда самое важное открывается не тогда, когда нам говорят правду, а тогда, когда мы наконец начинаем видеть её сами.

Эвелин Мосс

Глава 1
ПРОСТАЯ ГЕОМЕТРИЯ

Запах свежей типографской краски, полиграфического лака и старой древесины всегда успокаивал Мию. В небольшом архитектурно-дизайнерском бюро на третьем этаже реставрированного кирпичного здания в бостонском районе Бикон-Хилл жизнь подчинялась понятной, почти поэтической логике: из хаоса линий, смет и несогласованных чертежей рождалось нечто гармоничное.

Здание было старое, с рассохшимися рамами и лестницей, которая пела на четвёртой и одиннадцатой ступеньке. Зимой здесь дуло от окон, летом не справлялись кондиционеры, а печатный станок в углу общей комнаты приходилось бить кулаком по левому боку, чтобы он перестал зажёвывать плотную бумагу. Мия любила его целиком, вместе со всеми недостатками. За семь лет работы она успела убедиться, что идеальные офисы с прозрачными переговорными и одинаковыми столами производят ровно такие же тексты — одинаковые и прозрачные насквозь.

Мия Рид любила свою работу именно за эту точность. Будучи редактором и текстовым консультантом, она отвечала за материалы, сопровождавшие презентации крупных градостроительных проектов. По сути, она переводила язык сухих инженерных расчётов, несущих конструкций и толщины перекрытий на язык человеческих чувств. Там, где архитектор видел «панорамное остекление с терморазрывом», Мия писала: «Пространство, наполненное утренним светом, где граница между домом и садом становится условностью». Она умела находить порядок в мелочах и всегда замечала, если в тексте или на схеме смысловые контуры не сходились хотя бы на миллиметр.

Сегодня на её столе лежал «Харбор-Пойнт» — заявка на реконструкцию четырёх кварталов в южной части порта, двести восемьдесят страниц, из которых сорок принадлежали ей. Комиссия собиралась в четверг. Партнёры бюро уже трижды переписывали вступительный раздел, и каждый раз он выходил всё более торжественным и всё менее правдивым.

Мия вычёркивала.

«Знаковый проект, который переопределит облик набережной», — вычеркнуто. «Уникальная синергия исторического наследия и современной архитектурной мысли», — вычеркнуто дважды, с нажимом. Она давно заметила: чем больше в тексте слов вроде «уникальный» и «знаковый», тем меньше за ними стоит. Красивое враньё узнаётся не по содержанию, а по ритму. У него слишком ровное дыхание.

Она заменила абзац на четыре строчки о том, что на месте будущего сквера сейчас парковка, где по вечерам не горит ни один фонарь, — и что через два года там будут гулять люди. Перечитала. Вот теперь это можно было показывать комиссии.

За стеклянной перегородкой хлопнула дверца шкафа.

— Ты в курсе, что уже пять? — Нора Бишоп, ведущий архитектор проекта, стояла в дверях, наматывая на шею километровый шарф. Нора была старше Мии на пятнадцать лет, разведена, вечно опаздывала и при этом умудрялась сдавать всё раньше срока. — Я серьёзно. За окном темно, как в подвале.

— Ещё двадцать минут.

— Ты говорила это в три. — Нора зашла, бесцеремонно развернула к себе монитор и прочитала последний абзац. Хмыкнула. — Вот это оставь. Мартин будет ныть, что недостаточно пафосно.

— Мартин и будет выступать перед комиссией. Пусть добавит пафос голосом.

Нора рассмеялась, и смех у неё был низкий, прокуренный, хотя курить она бросила восемь лет назад. Потом посерьёзнела.

— Слушай, посмотри ещё раз ведомость по секции С. Мне кажется, инженеры опять прислали старую версию.

Мия открыла файл. Пробежала глазами колонку отметок, потом — пояснительную записку к ней. И почти сразу остановилась.

— Здесь высота перекрытия три и восемь, — сказала она. — А в тексте, который они же и написали, «свободная высота четыре метра».

— И?

— И это разные вещи. Свободная высота считается до низа балки. — Мия уже тянулась за карандашом. — Если под потолком идёт вентиляция, у них останется три двадцать. Комиссия это поймает. Не в цифрах поймает, а вот здесь, — она постучала карандашом по строке текста, — потому что человек, который пишет «четыре метра» вместо «три и восемь», всегда пишет так не случайно.

Нора медленно размотала шарф обратно.

— Вот поэтому я тебе и плачу.

— Мне платит бюро.

— Не занудствуй.

У Мии была привычка, которую в бюро давно считали почти ритуалом. Перед каждой заявкой они проверяли по открытым реестрам всех, с кем предстояло работать: кому на самом деле принадлежит участок, где зарегистрирована компания, на какой адрес приходят её письма. Для итальянского застройщика, с которым бюро как-то вело переговоры, Мия сама заказывала выписку из торгового реестра — несколько евро картой, и файл в почте через минуту. Читать такую выписку было почти так же интересно, как смету, и почти так же полезно. Главное правило, которому она потом учила стажёров, сложилось быстро: описание деятельности можно написать какое угодно, но цифры рядом с ним не врут.

Они просидели над ведомостью ещё сорок минут. К шести Нора ушла окончательно, забрав с собой запах духов и ощущение чужого присутствия, а Мия осталась одна на всём этаже.

К половине седьмого за окном окончательно стемнело. Холодный атлантический дождь мелкой дробью семенил по мокрым карнизам, стекал по стёклам длинными кривыми и размывал огни на противоположной стороне улицы в оранжевые пятна. На столе у Мии остывал кофе в чашке — третий за день и, как обычно, недопитый.

Телефон завибрировал, бесшумно смещаясь по гладкой поверхности столешницы.

На экране высветилось: «Папа».

Мия улыбнулась. Эта мягкая, подсознательная улыбка появлялась у неё всегда, когда звонил отец, — раньше, чем она успевала о чём-либо подумать.

— Да, пап? — она откинулась на спинку кресла, поправляя выбившийся из причёски тёмный локон.

— Мия, здравствуй, родная, — раздался в трубке знакомый, глубокий и чуть бархатистый голос. Ричард Рид всегда говорил без спешки, словно у него в запасе была вечность, и этот тон моментально создавал ощущение безопасности. — Ты ещё в бюро? Не смотри на часы, я знаю, что ты ещё на работе. Скажи, ты обедала сегодня?

— Я пила кофе и съела сэндвич, — честно призналась она, улыбаясь чуть шире. — Папа, мне двадцать пять, а не двенадцать. Я в состоянии прокормить себя до вечера.

— Сэндвич — это не еда, Мия, это симуляция.

В фоновом шуме его вызова слышался тихий шорох классической музыки — кажется, Шопен. Отец всегда включал музыку, когда работал с бумагами, и всегда — фортепиано, никогда струнные. Мия знала это так же твёрдо, как знала, с какой стороны он завязывает шарф.

— Я просто волнуюсь. У вас там, у залива, настоящий ливень. Я отправил за тобой Томаса, он будет внизу минут через десять. Не спорь, пожалуйста. Мне так будет спокойнее.

— У меня, вообще-то, есть машина.

— У тебя есть «фольксваген» две тысячи двенадцатого года, у которого левый дворник размазывает воду вместо того, чтобы её убирать. Я видел. В августе.

Мия вздохнула, хотя в глубине души этот жест заботы вызвал у неё тепло. Ричард был именно таким: внимательным до мельчайших деталей. Он помнил, что она не любит зонты с деревянной ручкой, знал, какой сорт чая она покупает, и мог среди ночи приехать на другой конец города, если у неё в квартире подтекал кран.

После смерти матери, когда Мии исполнилось десять, отец стал для неё единственным ориентиром. Он никогда не давил, не требовал соответствовать высоким стандартам, хотя сам был человеком весьма обеспеченным. Чем именно занимался Ричард, Мия знала в общих чертах: международный консалтинг, управление частными активами, инвестиционные сделки с коммерческой недвижимостью за рубежом. Это звучало скучно, весомо и достаточно абстрактно, чтобы не вызывать лишних вопросов. Деньги у отца были всегда, но он никогда не выставлял их напоказ. Небольшая, но светлая квартира Мии в Бек-Бэй, её скромный «фольксваген», её независимость — всё это было её собственным выбором, который Ричард уважительно поддерживал, хотя периодически и предпринимал трогательные попытки подстелить соломку.

— Хорошо, пап. Спасибо за машину. Ты сам где?

— В офисе, разбираюсь с бумагами.

Что-то в трубке негромко звякнуло — стекло о стекло. Потом стало тихо, и Мия поняла, что музыку он выключил.

— Кстати, о бумагах… — Ричард сделал небольшую паузу. Было слышно, как он делает глоток воды, затем аккуратно отставляет стакан. — Мия, у меня к тебе есть небольшая просьба. Неделовая, скорее семейная.

— Я слушаю.

— Помнишь дом и землю в Италии, которые остались ещё от дедушки? Юристы наконец закрыли все вопросы по наследству, но чтобы окончательно переоформить документы на нашу семью, нужно твоё личное присутствие. Твоя подпись нужна просто для того, чтобы подтвердить права и сразу передать управление нашей компании, чтобы нам не пришлось платить лишние налоги. Итальянский нотариус обязан лично удостоверить личность наследника, а доверенность из Штатов — это заверенные переводы, апостиль и месяцы ожидания, и срок по налогу на наследство при этом закрывается в конце месяца. Проще один раз прилететь в Неаполь.

Дедушку Мия знала плохо. Он жил на юге Италии, ближе к Калабрии; она видела его несколько раз в детстве и всякий раз немного терялась перед ним: он говорил с ней на медленном, осторожном итальянском, как с гостьей. Близкими они не были, и потому слова отца о доме и земле звучали для неё чужими: наследство от человека, которого она едва успела узнать.

— В Неаполь? — переспросила Мия, удивлённо приподняв бровь. — Пап, но я никогда не имела отношения к этим делам. Ты же сам всегда всем занимался.

— И буду заниматься дальше, милая. Тебе абсолютно не о чем беспокоиться. Это чистая формальность — несколько подписей в присутствии итальянского нотариуса. Обычная юридическая рутина, которая позволит нам закрыть этот старый вопрос.

Он говорил ровно и без запинки — так, как говорят люди, которые точно знают, что собираются сказать. Мия слушала и машинально водила карандашом по краю ведомости, обводя цифру «3,8».

— Поездка буквально на два дня. Я подумал… мы могли бы совместить это с небольшим отдыхом. Посидим в ресторанах на побережье, попьём хорошего вина. Ты давно не была в Италии.

Мия задумалась. Мысль о Неаполе — с его шумными улочками, запахом моря и терпким эспрессо — после промозглой бостонской осени выглядела заманчиво. Последний раз они были там вдвоём, когда ей было семнадцать; отец тогда взял её с собой на какую-то встречу, оставил на час в кафе на площади, и она за этот час выпила две чашки шоколада и решила, что когда-нибудь будет жить в городе, где дома выкрашены в цвет персика.

Но главным аргументом был сам отец. В его голосе звучала едва уловимая усталость, которую он всегда пытался скрыть за безупречными манерами. Мия слышала эту усталость уже несколько месяцев — с весны, — и каждый раз убеждала себя, что ему просто шестьдесят один.

— У меня комиссия по «Харбор-Пойнту» в четверг, — сказала она.

— Я знаю. Поэтому и предлагаю вылет в четверг вечером, сразу после комиссии.

Она замерла с карандашом в руке. Отец действительно помнил всё: её проекты, её сроки, имена её коллег. Это всегда было поводом для нежности. И только много позже, вспоминая этот разговор, Мия поймёт, что человек, который знает про твой четверг и назначает вылет на тот же вечер, делает это не случайно.

— Когда нужно лететь? — спросила она.

— В четверг вечером, ночным рейсом: к утру пятницы будем уже в Неаполе. Мой ассистент уже подготовил билеты и документы. Тебе нужно будет просто расписаться там, где укажет нотариус, и мы будем свободны. Спасибо тебе, Мия. Ты даже не представляешь, как сильно ты меня выручаешь.

— Перестань, пап. Это же просто подпись. До четверга?

— До четверга, родная. Береги себя. И обязательно поужинай нормально.

Мия положила телефон на стол. На экране погас свет, и в кабинете снова воцарилась тишина, разбавляемая только шумом дождя за окном.

Она сидела ещё с минуту, не двигаясь.

«Ты даже не представляешь, как сильно ты меня выручаешь».

Странная формулировка для юридической формальности. Мия прокрутила её в голове ещё раз — профессиональная привычка, ничего больше. Слово «выручаешь» предполагает затруднение. Затруднение предполагает, что кто-то мог отказать.

Она мысленно отмахнулась. Отец всегда был избыточно вежлив, даже с ней. Особенно с ней.

* * *

Она потянулась, заблокировала рабочий монитор и подошла к окну. Внизу, у самого тротуара, плавно припарковался тёмно-серый седан. Из него вышел водитель с большим чёрным зонтом и встал у входа.

«Просто подпись. Формальность», — повторила про себя Мия, накидывая на плечи пальто.

Томас ждал её на нижней ступеньке, держа зонт так, чтобы вода не попадала ей на плечи, — у него это выходило само собой, без суеты. Ему было около пятидесяти, он возил Ричарда пятнадцать лет и за всё это время не сказал Мии ни одной лишней фразы.

— Добрый вечер, мисс Рид. Дрянная погода.

— Добрый вечер, Томас. Как Мэгги?

— Выписали во вторник. Ходит уже.

— Передавайте ей привет.

Он кивнул и закрыл за ней дверь.

Машина мягко тронулась и поплыла вниз по Чарльз-стрит, мимо витрин антикварных лавок, мимо жёлтых окон, за которыми люди ужинали, спорили и смотрели телевизор. Дождь превратил город в акварель: контуры зданий расплывались, огни светофоров растекались по

мокрому асфальту красными и зелёными мазками. Мия смотрела на всё это, прижавшись виском к прохладному стеклу.

Она думала о том, что ей будет неловко просить у Норы свободный день после комиссии. О том, что нужно купить что-то на подарок — отец не берёт подарков, но всегда обижается, если не привезти. О том, что в Неаполе сейчас двадцать два градуса.

И, помимо воли, — о другом вечере, пятнадцать лет назад.

Ей было десять, и она сидела на таком же заднем сиденье, только в другой машине, и на ней было чёрное платье, которое кололось на сгибе локтя. Отец сидел рядом. Он не плакал ни на службе, ни на кладбище, и Мия, которая весь день держалась, потому что держался он, вдруг разревелась именно в машине — от того, что всё закончилось и надо было ехать домой, где мамы больше не будет.

Тогда Ричард не сказал ни одного из тех слов, которые весь день говорили ей взрослые. Он просто снял пиджак, накрыл им её плечи и держал за руку всю дорогу. Крепко, до самой двери. Так, будто если отпустит, её унесёт.

Мия росла с этим ощущением и так и не научилась его проверять. Отцовская рука была константой. Аксиомой. Тем, из чего строится всё остальное, — и что само по себе доказательств не требует.

Машина остановилась у её подъезда.

— Спасибо, Томас.

— Мистер Рид просил дождаться, пока вы поднимитесь.

— Он всегда просит.

— Всегда, — согласился Томас без тени улыбки.

* * *

В квартире было холодно — она опять забыла включить отопление перед уходом. Мия скинула мокрое пальто на спинку стула, поставила чайник и, не дожидаясь, пока он закипит, открыла ноутбук.

Телефон звякнул. Сообщение от ассистента отца: бронь, номер рейса, ночной рейс в четверг в 21:40, обратный — в воскресенье вечером. Название отеля.

Через минуту пришло второе, уже от отца: «Возьми что-нибудь лёгкое. Там тепло».

Мия улыбнулась экрану и написала Норе: «Мне нужна пятница. Семейное. Не убивай».

Ответ пришёл почти сразу: «Убью после комиссии. Езжай».

Она выключила свет в кухне и постояла у окна, глядя вниз на пустую улицу. Дождь не прекращался. Тёмно-серый седан уже уехал.

В словах отца не было ни единой фальшивой ноты. Ричард говорил с ней с той же теплотой и открытостью, с какой читал ей сказки в детстве. И у Мии не было ни малейшего повода сомневаться. В её мире — понятном, выстроенном из чётких геометрических форм и доверия — слово отца весило больше, чем любой юридический документ.

Она допила чай, поставила будильник и легла, даже не подозревая, что механизмы, которые изменят её жизнь навсегда, уже запущены, а обратный отсчёт начался именно в ту секунду, когда она сказала: «Это же просто подпись».

Глава 2
ТОЧКА ОПОРЫ

Среда началась для Мии с затянувшегося совещания по «Харбор-Пойнту». В переговорной бюро на третьем этаже стоял спёртый воздух, перемешанный с ароматом остывшего эспрессо и запахом свежераспечатанных чертежей крупного формата. Мартин, старший партнёр, размахивал указкой перед проектором, убеждая команду, что градостроительная комиссия Бостона влюбится в проект с первого взгляда.

— Нам нужна эмоция! — Мартин со стуком опустил указку на стол. — Мия, твои правки отличные, но в разделе о рекреационной зоне не хватает какого-то… замаха.

— Пафоса не хватает, — вполголоса уточнила Нора, не поднимая глаз от планшета.

— Не пафоса, а масштаба, — поправил Мартин. — Мия, добавь пару абзацев про то, что проект соединяет поколения.

Мия вздохнула, делая пометку в блокноте:

— Мартин, если мы напишем про «соединение поколений» рядом с расчётом нагрузки на парковочные места, это будет выглядеть так, словно мы пытаемся продать жилому комплексу не паркинг, а философию. Комиссия состоит из прагматиков. Им нужны понятные цифры и ясная логика, а не лозунги.

— Но подтекст-то должен быть!

— Подтекст рождается из правды, — мягко, но твёрдо ответила Мия. — Когда человек видит, что для него спроектировали удобный съезд с шоссе и нормальное освещение, он сам додумает про комфорт. А заставлять текст кричать — значит признаться в уязвимости проекта.

Нора хмыкнула и едва заметно показала Мии большой палец.

Совещание затянулось до полудня. Завтрашняя комиссия должна была стать финишной прямой нескольких месяцев работы. Мия чувствовала, как накопившаяся усталость даёт о себе знать: глаза пекли от монитора, в висках пульсировала лёгкая боль. Ей действительно нужна была эта пауза. Мысль о поездке в Неаполь сразу после защиты проекта начинала казаться не просто семейной обязанностью, а долгожданной наградой.

* * *

В среду вечером они встречались с Ричардом в небольшом тихом ресторане «L'Espalier» неподалёку от его офиса на Ньюбери-стрит. Это было их давнее «своё» место: приглушённый свет, крахмальные скатерти, безупречные официанты в строгих сюртуках и тихая музыка, заглушавшая шум бостонского трафика.

Когда Мия вошла, Ричард уже сидел за угловым столиком у окна. Он выглядел безупречно, как всегда: тёмно-серый костюм-тройка из тонкой шерсти, идеально отглаженная белоснежная сорочка, серебряные запонки — подарок Мии на его шестидесятилетие. Перед ним лежал закрытый кожаный органайзер и стояла чашка эспрессо.

Увидев дочь, он моментально преобразился: лицо разгладилось, в глазах вспыхнули искорки. Он поднялся навстречу, обнял её и поцеловал в щёку — от него пахло дорогим парфюмом с нотами ветивера и хорошим табаком.

— Ты опоздала на четыре минуты, милая, — мягко пожурил он, выдвигая для неё стул. — В бюро снова задержали?

— Мартин требовал добавить «масштаба» в текст перед завтрашней комиссией, — Мия улыбнулась, садясь напротив. — Пришлось тридцать минут объяснять ему разницу между масштабом и хвастовством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.